

НАШ КОМИССАР

МЫ ТАК И ЗВАЛИ его на судне. Создастся острая ситуация на промысле — база забита готовой продукцией, и начальство перегрузчика артачится, не подступись — зовем Василия Антоновича: «Собирайся, комиссар, пойдем на переговоры. Наше административное оружие не прошибает, может, твое слово проймёт». Отправлялись на борт неприступного перегрузчика, и чаще всего переговоры заканчивались удачно.

Признаюсь, иногда мы даже злоупотребляли этим. Не раз, находясь в Находке, оказывались в такой очереди на разгрузку продукции, выжидая которую терпеливо, пришлось бы простоять недели. А душа-то болит — рыбки без нас задыхаются: уловы сдавать некуда. Знаем, бурными эмоциями не возьмешь портовое начальство. И снова Антоновича под руку: Может, твое слово «растопит душу». Представляя его недоступному начальству, как комиссара, как бы между прочим, подчеркивали: «Наш писатель». Василий Антонович стушевывался.

И, странно, это слово действовало магически: тот же человек, к которому, казалось, минуто назад и подступиться нельзя было,

становился покладистой, участливой.

А теперь о Золотове и психологическом климате на судне. То ли еще выдержки у нас по молодости не хватает, то ли вечная горячка мешает выслушать человека до конца, уловить суть, но как-то так иногда получалось — захлопывает матрос дверь твоей каюты и остается неудовлетворенным. Поразмыслит, как поступить дальше, и напрямик — к комиссару, или, как его многие называли, Антоновичу. А через некоторое время, смотришь, входит к тебе он. Выдержанный, спокойный, никогда заранее не угадать, с чем пришел. Не спеша, рассудительно растолкует, что толкнуло матроса обратиться к капитану и как нужно было поступить правильнее. Подумаешь, а ведь все логично. Даже мысленно ругаешь себя: можно же было это сделать сразу.

Так и повелось на судне. Чуть какая неувязка вышла: «Пойду к комиссару, он разберется».

И еще к вопросу о климате. Два года подряд «Ламут» держал на флоте первое место по не совсем обычному показателю. На плавбазе больше всех было заочников школ и учебных заведений. Чего греха таить, в горячую пору, когда не хватает рабочих рук,

с неохотой приходится отрывать человека от дела. И любой руководитель на судне старался отмахнуться: «Не до учебы сейчас, сам видишь». Но всегда появлялся в таких случаях у меня или у старпома Василий Антонович: «Нужно отпустить на занятия. Нельзя пропускать ему». И часто сирепя сердце приходилось давать такую команду.

И уж совсем мы не знали горя с лекционной работой, с организацией бесед на различные темы. Привлекательная, можно опять же сказать, комиссарская черточка Василия Антоновича. Ему чужда так называемая заорганизованная аудитория. Выкрикилось время у обработчиков — он тут же, в заводе, на рабочем месте собирает их в «кружок» на беседу. Собралось в коридоре судна несколько человек потолковать «за жизнь» — и среди них всегда можно было увидеть Василия Антоновича — умудренного жизнью человека, фронтовика, писателя.

Вот уже четыре месяца, как Василий Антонович не работает у нас на судне. Но след, оставленный им за годы комиссарства, настолько глубокий, что мы и сейчас постоянно чувствуем его присутствие на судне. Так и кажется, вот сейчас откроется дверь, и в каюте вырастет его чуть-чуть ссутуленная фигура.

Э. ШОЛОХОВ,
капитан плавбазы «Ламут».